И. Г. Васильева
Д. С. Терехина

**КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
БРАТЬЯ БЕСТУЖЕВЫ И БРАТЬЯ ГОМБОЕВЫ**

В статье представлены судьбы декабристов – братьев Николая и Михаила Бестужевых – во время их ссылки в Забайкалье. По архивным записям и сохранившимся письмам прослеживаются их увлечения и интерес к буддийской духовной культуре, их связи и в дальнейшем – родство с местным населением Бурятии. Также в статье описываются основные жизненные вехи и достижения зятя Николая Бестужева Николая (Найдана) Гомбоева и его старшего брата Данзана-Дампила. Проводится параллель между декабристами и теми, с кем они породнились, живя в Забайкалье, между удивительными личностями, масштаб мысли и деятельности которых намного превосшел рамки своей эпохи. На основании изученных документов делается вывод о том, что и братьев Бестужевых, и братьев Гомбоевых отличала твердая гражданская позиция, патриотизм, высокая образованность, необыкновенная широта взглядов, тонкий вкус и умение ценить прекрасное. Их самоотверженность и человечность продолжают служить высоким нравственным образцом. Основные методы исследования – анализ документов, сравнительный анализ. Необычный угол зрения и малоизвестный материал, собранный в архивах и изложенный в данной статье, делает ее интересной для историков, декабристоведов и всех интересующихся культурой Забайкалья.

Ключевые слова: декабристы, ссылка, Забайкалье, Бестужев, Гомбоев, Старцев, хамбо-лама, ВСОРГО, буддизм в Забайкалье.

I. G. Vasilyeva
D. S. Terekhina

**CULTURAL PHENOMENON:
THE BESTUZHEV BROTHERS
AND THE GOMBOEV BROTHERS**

The article describes the fate of the Decembrists-brothers Nikolai and Mikhail Bestuzhev during their exile in Transbaikalia. According to archival records and preserved letters, their hobbies and interest in Buddhist spiritual culture can be traced, as well as their relations with the local population of Buryatia. The article also describes the main life milestones and achievements of Nikolai Bestuzhev's son-in-law, Nikolai (Naydan) Gomboev, and his older brother, Danzan-Dampil. A parallel is drawn between the Decembrists and those with whom they were related while living in Transbaikalia, between amazing individuals whose scale of

Васильева Ирина Геннадиевна – независимый исследователь (г. Улан-Удэ, Россия).
E-mail: potail@yandex.ru.

Терехина Диана Сергеевна – преподаватель английского языка, МБОУ «Кижингинский лицей им. В. С. Мункина», к. соц. н. (с. Кижинга, Россия). E-mail: diana-wciom@yandex.ru.

thought and activity far exceeded the limits of their era. Based on the studied documents, it is concluded that both the Bestuzhev brothers and the Gomboevs were distinguished by a solid citizenship, patriotism, encyclopedism, unusual open-mindedness, fine taste and the ability to appreciate the beauty. Their selflessness and humanity continue to serve as a high moral standard. The main research methods are document analysis and comparative analysis. The unusual angle of view and little-known material collected in the archives and described in this article makes it interesting for historians, Decembrist studiers and all interested in the culture of Transbaikalia.

Keywords: Decembrists, exile, Transbaikalia, Bestuzhev, Gomboev, Startsev, Hambolama, VSORGO, Buddhism in Transbaikalia.

Мы с жадностью следили за каждым шагом в области ума и науки,
Мы поглощали с ненасытимой жаждой все, что мир духовный творил.
*(из письма М. Бестужева к М. Рейнеке¹,
Селенгинск, 4 февраля 1857 года)*

О декабристах написано много. Историки изучают причины и последствия восстания для монархии в целом и дворянства в частности; вглядываются и оценивают бунтовщиков персонально. Уделяют много внимания перипетиям их судеб, вкладу в сокровищницу культуры, в духовное развитие той части страны, где они жили, отбывая срок. Знакомство декабристов сначала с буддийской архитектурой и искусством, затем языком и более углубленное с философией – пока мало исследованный пласт. Он интересен как полустертая страница отечественной истории. Задача данной статьи – обозначить глубину влияния личностей ссыльных дворян на население российской окраины. Трансляцию ими буддийской культуры (из ее центра – Забайкалья, в центр России, как окраины буддийского мира) на особенном примере – братьев Данзана-Дампила, Найдана-Николая Гомбоевых и братьев Николая и Михаила Бестужевых. Родство ссыльных поселенцев с буддийской элитой в лице Хамбо-ламы Гомбоева, его отца-йоги и брата-дворянина принесло плоды и продолжилось в потомках. Родство, поднимавшее их выше житейских границ, до уровня поисков и обретения смысла своего и вообще существования вне конфессиональных стереотипов.

«Участники недавнего заговора... получили... тщательное образование; все они обладают необходимыми данными для того, чтобы снова стать людьми, приносящими пользу государству; а приобретенные ими познания могут способствовать овладению другими, еще более полезными», – писал адмирал Н. С. Мордвинов в проекте «Устройства судьбы декабристов» императору [Барановская 1954: 31]. И он во многом оказался прав. Несмотря на то, что восстание 1825 г. было подавлено, руководители повешены, многие участники навечно со-

¹ Михаил Францевич Рейнеке (1801–1859) – отпрыск старинного саксонского рода. Ученый, гидрограф, член Российской АН и РГО. Вице-адмирал (закончил Морской кадетский корпус). М. Рейнеке и М. Бестужев – друзья, ровесники, тезки, выпускники одного учебного заведения.

сланы в Сибирь, отзвуки восстания не смолкали много лет. Неукротимая энергия прогрессивной, образованной части общества, прежде направленная на изменение государственного устройства, в ссылке растеклась на множество мирных ручейков, стремящихся к морям познания и питающих своими водами всех жаждущих. Николай и Михаил Бестужевы стали частью этого потока. Оказавшись в ссылке в далеком Селенгинске, братья не прекращали самообразования и делились своими познаниями с теми, кто был способен их воспринять.

Николай (1791–1855) и Михаил (1800–1871) Бестужевы были воспитаны в многодетной дворянской семье Бестужевых. Они были детьми статского советника Александра Федоровича и Прасковьи Михайловны Бестужевых. Отец издавал «Санкт-Петербургский журнал» о воспитании. Всего в семье было восемь детей: пять братьев и три сестры. Все они получили блестящее образование. Трое братьев стали военными, офицерами, а двое – литераторами.

Михаил Бестужев был штабс-капитаном лейб-гвардии Московского полка, окончил Морской кадетский корпус и бывал у берегов Франции, где «заразился» вольнолюбием, уловив дух революционных брожений, захвативших Италию, Испанию, Германию. В 1824 г. К. Торсон ввел его с братом Николаем в Северное тайное общество. На Сенатскую площадь Михаил Бестужев вывел роту солдат, убеждая их не принимать присягу императору. После ареста сидел в Шлиссельбургской крепости и в 1827 г. был сослан в каторгу навечно как осужденный по второму разряду. В 1830 г. в каземате Петровского Завода углубился в изучение европейских языков и философию, составляя рефераты по интересовавшим его темам. В 1839 г. вместе с братом Николаем прибыл в Селенгинск. Городок выбрал Константин Торсон и братья решили присоединиться к другу, чтобы быть вместе. Будучи в ссылке, Михаил Бестужев проявлял интерес к буддийской культуре. Например, документально засвидетельствован тот факт, что он читал и конспектировал «Буддийскую космологию» О. Ковалевского. В «Записках братьев Бестужевых 1797–1860 гг.», подаренных М. Бестужевым М. И. Семевскому¹ в 1860 г., значится «Буддийская космология» О. Ковалевского. М. И. Семевский посчитал эту фамилию псевдонимом Михаила Александровича. На самом деле текст, написанный пером младшего Бестужева, был не чем иным, как извлечением из «Буддийской космологии».

Кроме того, младший из братьев Бестужевых интересовался тибетской медициной, разбирался в назначении буддийских ритуальных принадлежностей, которые он приобретал, в частности, для подарков своим петербургским друзьям, и делился информацией о буддизме Забайкалья в виде статей и писем. 31 де-

¹ Михаил Иванович Семевский (1837–1892) – археограф, библиофил, редактор-издатель «Русской старины». Тайный корреспондент «Полярной звезды» (в Забайкалье поступала через сына и зятя Н. Бестужева). Действ. член РГО и Росс. археографического общества.

кабря 1852 г. М. Бестужев написал И. П. Корнилову¹ письмо, посвященное буддийской теме: «Со следующей почтой Вы получите посылку, заключающую, во-первых, рукопись о ламах. Прошу Вас, не ищите в ней систематического изложения или цветистого слога. Я знаю, что Вам ни то, ни другое не нужно, а нужны материалы, которые я и помещал, как они попадались под перо... Прошу извинить, если Вы многое найдете неполным и даже неточным... Книжный язык лам к простонародному относится почти так же, как латинский к французскому. К тому же все идеи и понятия религиозные вовсе чужды идеям и понятиям простолюдинов... В той же посылочке Вы найдете: 1) черепаху, 2) черный рог тибетской сайги, 3) железные модельки инструментов их домашнего быта, 4) сверток молитв и мани (четки. – *Авт.*), завернутые в хадак... Наконец, восемнадцать бурханов. Мне хотелось послать к Вам изображения их святых, коим посвящены разные кумирни. Но мне не доставили всех, да и доставленные не означены, к каким кумирням принадлежат; не могу добиться от хамбо-ламы» [Гусиное озеро 1854: 78]. Еще в одном письме И. П. Корнилову (не ранее 1851 г.) М. А. Бестужев пишет любопытную вещь: «На память посылаю Вам для Вашей домашней кумирни: 1) гусун-тук (молитвенник, которым они благословляют. К нему иногда присоединяют другие молитвы для того, чтобы были под рукою, но этот не-обходим); 2) хонхо (медный колокольчик), 3) дамбур (двойной бубенчик), 4) очир (двойной медный жезлик), 5) четыре бурятских образа главных четырех лиц их мифологии» [Естественно-научное наследие... 1995: 76].

Историк и собиратель научного наследия декабристов М. И. Семевский в рукописном «Некрологе» М. А. Бестужева отмечал в числе ненапечатанных статью декабриста о буддизме. Речь о статье про забайкальских лам, которую Михаил Бестужев готовил с 1850 по 1852 г. В письме П. А. Кельберга И. П. Корнилову от 29 мая 1852 г. это обстоятельство достоверно и полно засвидетельствовано: «Михаил Александрович Вам кланяется, он пишет статью о ламах и тибетской медицине; он приобрёл для Вас тибетские лекарства и инструменты, употребляемые при их медицине и богослужении» [РО РНБ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 769. Л. 10об., 11]. Таким образом, Михаил Бестужев проливал свет на буддизм Забайкалья для тех, с кем состоял в переписке и кому посылал подарки.

М. А. Бестужев сроднился с Селенгинском. Здесь он венчался с жительницей Забайкалья, сестрой бригадного адъютанта 3-й казачьей бригады Бородаевского Марией Николаевной Селивановой. Трое детей – дочь и сыновья получили хорошее домашнее образование. После смерти жены, в день отъезда в Петербург (1867) Михаил Александрович заплакал. «Живите, не забывайте» – были его прощальные слова [Коваленко 2012: 20].

¹ Иван Петрович Корнилов (1811–1901) – государственный деятель, коллекционер. В 1848–1850-х гг. служил в штате своего товарища по Пажескому корпусу гр. Муравьева-Амурского. С 1847 г. – адъютант Е. И. Высочества. Связи Корнилова помогали декабристам налаживать связи с ученым сообществом. Собирал лексический материал для В. И. Даля. «Многолюбимый Иван Петрович» – так декабристы начинали письма к нему.

Жизнь и деятельность Николая Бестужева в Селенгинске заслуживает отдельного подробного исследования. На родине в Петербурге он официально не был женат, но, по словам историков, оставил свое сердце и трех дочерей, с которыми после восстания 1825 г. и вынесения приговора ему нельзя было не только видаться, но даже поддерживать переписку. И их мать, которую он горячо любил, попросила «забыть ее имя ради детей» [Степовая: эл. ресурс]. Эту просьбу передала его сестра Елена при свидании с братом-арестантом. Так Николай Бестужев оказался в Селенгинске один, верный своей идее о том, что революционер не должен подвергать семью испытаниям: «Одна голова не бедна, а бедна, так одна» [Воспоминания Бестужевых 1951: 625]. Однако спустя время этого выдающегося человека своей эпохи с Забайкальем все же связало кровное родство. Он не смог устоять против прелестей «бурятских венер», как он называл местных жительниц в письме к своей сестре Елене от 14 октября 1841 г. Матерью обоих детей Бестужева, рожденных в Забайкалье, стала «молоденькая красивая девушка с открытыми ясными глазами, невысокого роста, подвижная и жизнерадостная, бойкая и доброжелательная» [Гапоненко 1991: 33]. Забайкальский краевед В. И. Петров в архивах нашел документальное подтверждение того, что матерью детей Николая Бестужева стала дочь пастуха-бурята Ирдынея. Поскольку ссыльные государственные преступники были лишены права иметь официальных детей, то сына Бестужева, названного Бадмажапом, записали по имени деда Ирдынеевым. При крещении Бадмажап принял имя Алексей и стал носить фамилию его «воспреемника»¹ – купца первой гильдии Дмитрия Старцева [Коваленко 2012: 17].

Друзья-декабристы удивлялись: «Что за странная судьба у бестужевских детей – никогда не быть детьми Бестужева? Я спросил, отчего же не обвенчаться? Н. А. признался, что сделал бы непременно, если бы не сестры, которые умоляли... что угодно, только не брак с простолюдинкой, да еще не русского племени! Николай Александрович не считал эти резоны сколько-нибудь разумными, но вынужден был считаться с сестрами, все в столице бросившими и воспитывавшими трех детей Михаила Александровича Бестужева» [Степовая: эл. ресурс]. Позже родилась девочка Екатерина, тоже удочеренная Д. Старцевым. После смерти Алексея Дмитриевича открыли его шкатулку и прочли бумаги, удостоверяющие, что родители его – дворянин и дочь степняка.

Николай Бестужев положительно воспринял социокультурную среду, в которой оказался. Трезвый, практичный ум Бестужева высоко оценивал потенциал Забайкалья, по сравнению с западными регионами России: «Старая Русь ветха... дворянство валится, связь господ и крестьян разрушается; земля истощена и не возвращает никому трудов, несмотря на попытки нововведений – словом, все старо, непрочно.... Здесь, в Сибири, все ново: земля, промышленность, торговля, люди. Сибиряки умны, догадливы и переимчивы. Здесь не восстает народный

¹ Воспреемник – здесь: крестный отец.

предрассудок против нововведений, лишь бы видна была польза» [Естественно-научное наследие... 1995: 144]. Бестужевы постепенно интегрировались в социум, который их окружал. Их контакты с местным населением были достаточно интенсивными, а отношения – добрососедскими. «Здесь даже и без всякой работы время отнимается у вас посещением окрестных бурят, которые ежедневно приходят к вам или просить в долг, или занимать денег в работу, или предлагать куплю или продажу, и нужно вам или нет, а нельзя отказывать им в посещении потому, что между десятью ненужных вам людей всегда найдется два, до которых вам надобность самим» [Письма из Сибири 1929: 4, 105]. «Кругом нас живут добрые буряты, почти все народившиеся на наших глазах. Старики нас любят и уважают. Все они больше или меньше наши должники», – вспоминал Н. Бестужев.

Б. В. Струве¹, сын директора Пулковской обсерватории и чиновник особых поручений при Н. Н. Муравьеве, генерал-губернаторе Восточной Сибири, писал так: «Почтенная личность Н. А. Бестужева произвела на меня глубокое, неизгладимое впечатление, светлость его взглядов на современные события... труженическая деятельность его самого среди местного населения с целью распространения образования, отзывчивость его на все хорошее и изящное в области науки и искусства, все это, вместе соединенное в одном лице, представлялось мне таким радужным явлением, что мне показалось, что в общении с ним человек должен просветлеть и становиться лучше»... [Зильберштейн 1988: 558–559]. Местные жители также высоко оценивали личность Н. Бестужева, называя его «истощником (источником) ума, знаний и добра», добавляя, что «ноин (господин) такой простой и добрый» [Барановская 1954: 157]. «Лама Цаган... знавший Бестужевых, говорил, что эти большие люди научили нас ярицу кушать, т. е. делать из нее муку и печь в золе лепешки», а хамбо-лама Гомбоев говорил о них: «Всегда работали, работали без отдыха...» [Залкинд 1926: 174].

Не напрасно Николая Бестужева называли источником ума – он много знал и был прирожденным педагогом. Но он скучал по книгам: «к лишениям мне не привыкать стать, но то беда, что духовной пищи, к которой я привык, мне недостает... Теперь мы имеем с соседями 3 журнала и 2 газеты, но как до учености здесь мало кому дела, то мне одному с братом немоготу выписывать ученые журналы», – пишет он И. И. Свиязеву² 24 апреля 1852 г. [Цуприк 1975: 82]. В Петровском Заводе декабристы обменивались книгами, а периодику выписывали

¹ Бернгард Васильевич Струве (1827–1889) – статский советник, чиновник особых поручений при ген.-губ. Н. Н. Муравьеве; заведовал провиантским делом и устройством продажи вина в Восточной Сибири. Автор «Воспоминаний о Сибири», где писал о декабристах и их семьях.

² Иван Иванович Свиязев (1797–1875). Из крепостных. Выпускник Академии художеств, теоретик архитектуры. С 1839 г. – ст. архитектор комиссии по сооружению храма Христа Спасителя. Автор труда «Основания печного искусства»; консультировал Н. Бестужева.

в складчину. Люди одного круга не были лишены роскоши общения, значащей для них так много.

Обучение бурят русской грамоте Бестужев начал еще в Петровском Заводе, в школе при каземате. «Желая добра, всякого стараясь снабдить знаниями... декабристы завели у себя школу, где учились и дети. Один из них, селенгинец Убугун Сарампилов, овладевший токарным мастерством, стал помощником Бестужева. Скульптор-самоучка Анай Унганов по рекомендации Бестужева выполнял “лепные работы и отделку недавно выстроенного театра и других сооружений”» [Естественно-научное наследие... 1995: 182]. Ученик декабристов Ирдыни Зодбоев заслуживает особого внимания. По окончании Русско-монгольской войсковой школы 23 ноября 1862 г. он получил в дар книгу с надписью: «От потомственного дворянина Михаила Александровича Бестужева ученику Русско-монгольской школы Ирдыни Зодбоеву за благонравие и прилежание». Закончил Ургинскую школу, работал переводчиком в Омске; сопровождал экспедиции Ровинского и Козлова. Он знал ни много ни мало – русский, монгольский, маньчжурский, китайский, тибетский и немецкий языки [Даревская 1975: 155–197].

Не будет преувеличением сказать, что Николай Бестужев унаследовал интерес своего отца к педагогике, на практике воплощая то, о чем, вероятно, в свое время писал его отец в «Санкт-Петербургском журнале» о воспитании.

Педагогический талант Николая Бестужева распространялся не только на местных жителей Забайкалья, но и, безусловно, на его собственных детей, рожденных в ссылке. И Екатерина, и Алексей получили хорошее домашнее образование. Екатерина Старцева по достижению совершеннолетия вышла замуж за Найдана Гомбоева, таким образом породнившегося с братьями Бестужевыми. Найдан Гомбоев, в свою очередь, предпринял большие шаги, чтобы духовно сблизиться с Екатериной: он крестился и при крещении взял имя Николай, как у ее кровного отца.

Жизнь и деятельность Найдана Гомбоева можно без преувеличения назвать выдающимися. В чем-то она напоминает деятельность его великого тестя – Н. Бестужева. В частности, это касается педагогической работы и стремления к служению Отечеству. Послужной список Найдана Гомбоева внушает уважение. В 19 лет он стал преподавателем Кударинского монголо-бурятского приходского училища. Уже через три года ему поручили выбрать «несколько бурятских и крестьянских мальчиков и доставить в Казанскую учебную ферму для изучения восточных языков» [Гончаренко 2017: 44]. Далее приведены некоторые из его должностей. В 23 года он стал помощником селенгинского родоначальника Минеева (семья которого приняла православие). В 1861 г. он служил в должности переводчика при консульстве в Монголии и Пекине, где изучал монгольский и китайский языки. «По свидетельству консула в Урге... изучил маньчжурский язык... Изучал и китайский... преуспел настолько, что свободно общался с населением» [Там же: 45]. В том же 1861 году Н. И. Гомбоев становится служащим – чиновником 3-го класса. Блестящая рекомендация генерал-лейтенанта Корсако-

ва, крайняя нужда администрации края и консульства в переводчиках благоприятствовали ему. Без ссылки на источник Р. В. Гончаренко приводит документ о поступлении «инородца» Гомбоева на государеву службу. Управление губернатора Восточной Сибири информировало Министерство внутренних дел о нехватке квалифицированных знатоков восточных языков и считало «целесообразным привлекать к работе знающих людей из местных жителей. Таковым является инородец Гомбоев».

В 1863 г. по приказу генерал-губернатора Восточной Сибири откомандирован в распоряжение Амурской области на должность переводчика. Летом 1864 г. сопровождал генерал-губернатора Восточной Сибири по Амурскому краю и в Харбин. Участвовал в качестве переводчика в научной экспедиции по р. Сунгари в Манчжурию, в Гирин и обратно. После блестяще пройденного испытания на пригодность к дипломатической работе уже через год, в феврале 1865-го, «отличная и полезная служба» быстро повела его вверх по служебной лестнице. Как специалист, владеющий восточными языками в широком диапазоне – от народного до научного, он участвовал в экспедициях, преследующих разные цели. По распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири 30 июля 1865 г. командирован в распоряжение штабс-капитана генерального штаба Гельмерсена¹, отправляющегося по делам службы в южные гавани и Корею, ездил со штабс-капитаном генерального штаба Гельмерсеном в корейский пограничный город Бянь-Лянь-Чень и морем в Чифу, оттуда сухим путем через Шандинскую провинцию (в Восточном Китае) в Пекин, из Пекина через Монголию в Кяхту, а оттуда возвратился в г. Благовещенск. В 1869 г. по линии Российского географического общества, исследующего западные китайские провинции, Гомбоев едет в Тибет в составе монгольского посольства, обращая пристальное внимание на дороги. По возвращении занят сбором сведений о последствиях эпидемии, поразившей рогатый скот монголов. Исполняет поручения русского консула в Урге разной степени сложности. Приобретенный опыт пригодился при решении новых задач. С весны 1871 г. служба в Китае стала постоянной. Он принимает бразды правления Тяньцзиньской почтовой конторой, а с конца следующего года – и временное управление Пекинской, при этом сохраняя своего агента в Тяньцзине. В 1873 г. по распоряжению Российского Императорского чрезвычайного посланника и полномочного министра при пекинском дворе на него возложено заведование телеграфной агентурой, а до этого он заведовал пекинской почтовой конторой, «через которую шла вся официальная переписка русской миссии в Пекине» [Леонов 1985: 111]. Дела связывали Гомбоева с Тяньцзином до 1893 г., а пекинская служба окончилась в 1906 г. Был награжден шестью российскими и тремя иностранными орденами. Российские ордена – Святой Анны 3-й и 2-й степеней (т. н. «Анна на шее»); Святого Станислава 2-й степени; Святого

¹ Григорий Петрович Гельмерсен (Грегор фон Гельмерсен) (1803–1885) – основоположник русской школы геологического картографирования. Директор СПб. Горного института, академик имп. Академии наук. Художник, график.

Владимира 4-й степени (награждаются люди в чине не ниже подполковника и статские советники), серебряная медаль «За поход в Китай» (за оборону дипломатической миссии). Иностранные – орден Прусской короны 2-й степени, китайские ордена Двойного дракона 1-го класса 3-й степени (1897) и 3 класса 2-й степени (1903) [Гончаренко 2017: 47–48]. Указ об определении его на службу утверждался лично царем. Общий срок его службы составил около 46 лет. По итогам почти полувековой службы возведен в чин надворного советника. Гомбоев, возможно, был единственным из бурят селенгинских родов, ставший потомственным дворянином.

Встречены упоминания о Найдане Гомбоеве в книгах начала XX в., описывающих боксерское восстание. Поводом для нападения на духовные и дипломатические миссии в Пекине послужил разгром буддийской кумирни германским отрядом. 31 мая 1900 г. подворье Российской духовной миссии со всеми постройками разграбили, кладбище сожгли, но прежде осквернили могилы. Секретную документацию спрятали в колодце [Дашицен 2014: 317–319]. «В английскую миссию... перешли начальник почтовой конторы в Пекине Н. И. Гомбоев и практикант китайского языка из Ургинской школы г-н Полуянов. Архимандрит Иннокентий с китайцами и Н. Гомбоев в скором времени вернулись обратно в русскую миссию... Как только начиналась стрельба, он зажигал свечку и ждал конца обстрела... В Пекине он прожил более 30 лет и известен как собиратель коллекций буддийского культа» [Корсаков 1901: 219]. «Наконец мы были в освобожденной русской миссии. В Пекине два месяца были осаждены: посланник М. Н. Гирс с семейством... Начальник русской почтовой конторы Гомбоев... Всего 46 человек» [Янчевецкий 1903].

В сохранившихся материалах можно найти положительные отзывы о личности Найдана Гомбоева и его работе. В марте 1869 г. подполковник Г. П. Гельмерсен подал вице-председателю РГО Ф.П. Литке¹ записку об отправке с монгольским посольством агента для сбора данных о Тибете, в которой говорил о Найдане Гомбоеве, характеризуя его как «основательного знатока монгольского и манчжурского языков, знакомого с китайским и письменным тибетским, а также опытного путешественника» [Андреев 1999: 120–133]. В книге А. В. Верещагина (младшего брата художника Василия Верещагина) описаны встречи с Николаем Ивановичем в Пекине. В разделе «Монгольская кумирня» читаем: «Гомбоев жил в Пекине уже 30 лет. Знал город лучше, чем сами китайцы, и говорил на их языке совершенно свободно. Все эти познания его были для меня очень дороги, так как я при его помощи надеялся поближе познакомиться со столицей Китая... Как-то ранехонько едем к Гомбоеву. Накануне условились осматривать монгольскую кумирню... Гомбоев живет близко от посольства в собственном доме, устроенном как игрушка... Все мило, уютно. Сам Н. И. уже старик, среднего роста, су-

¹ Федор Петрович Литке (Фридрих Бенъямин граф фон Лютке) (1797–1882) – исследователь Арктики, географ. Президент АН (1864–1882). 20 лет возглавлял созданное им РГО. Воспитатель великого князя Константина. Учреждена медаль РГО его памяти.

туловатый, усатый, коротко стриженный, на вид довольно суровый. В действительности же предобрый и преобязательный. Он знаток всякой китайщины, и как только возьмет вещь в руки, сразу скажет, какого она времени, хороша, дурна ли, чего стоит. С ним приятно погулять по такому городу, как Пекин, сверху донизу наполненному редкостями... Гомбоев объясняет весомо, тоном, не допускающим никаких сомнений» [Верещагин 1903: 224].

Кроме добросовестного исполнения своей работы на государевых должностях, кандидатура Найдана Гомбоева рассматривалась для исполнения особо ответственных поручений в большой политике. Седьмой Богдо-гэгэн незадолго до ухода говорил о желании родиться в Халхе или России (о чем ургинский консул информировал МИД). В Генеральном штабе обдумывали вариант посылки «Найдака Гомбоева» под видом паломника с караваном наставника Седьмого Богдо Йонзон-Хамбо Номун-хана в Тибет «для разведывания о перерождении Хутухты» (секретное донесение Генштабу генерал-губернатора Корсакова). Его задачей было бы «положить на карту посольскую дорогу», как удобопроходимый маршрут [Андреев 1999: 124–126].

Найдан Гомбоев известен и своей педагогической деятельностью. В 1857 г. по распоряжению инспектора школ Верхнеудинского округа он, не имея специального образования, а только «домашнее», был назначен учителем Кударинской бурят-монгольской школы и подготовил для учебы в Казани четырех учеников. За свою работу он был награжден серебряной медалью для ношения на шее. Через 10 лет, в январе 1867 г., он преподавал маньчжурский язык уже вдали от родины – в школе Амурской конной казачьей бригады. В то же время преподавал маньчжурский язык в духовном училище Камчатской епархии.

О Найдане Гомбоеве известно, что он занимался и благотворительной деятельностью. Например, в дореволюционном фонде архива Бурятии в книге Строительного комитета на возведение Вознесенской церкви в Селенгинске в 1888 г. отмечено, что Николаем Ивановичем Гомбоевым пожертвовано 100 руб., немалые по тем временам деньги, о чем свидетельствует запись № 131 [ГАРБ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–90]. Он делал щедрые, порою уникальные подарки, в частности, в Иркутский музей краеведения, а также ученым, художникам и своим друзьям. Был коллекционером, владел богатейшими коллекциями буддийских книг, скульптур и живописи. В. А. Обручев после знакомства с членами посольства записал: «Наиболее интересными членами посольства были... почтмейстер Гомбоев, обладатель большой коллекции буддийских религиозных объектов – статuetок всех богов и принадлежностей ритуала. По его просьбе я сфотографировал коллекцию большим фотографическим аппаратом» [Обручев 1940: 49]. А. М. Позднеев в 1892 г. встретился с Найданом Гомбоевым, «который недавно купил рукописный «Ганджур» на монгольском языке» [Успенский 1988: 196]. Когда востоковед рассмотрел связки пожелтевших книг, то с восторгом понял, что древний ксилограф переписан от руки при Лигдэн-хане (1592–1634). 100 бесценных связок были куплены за 4500 руб. с рассрочкой в пять лет по инициативе

декана Санкт-Петербургского университета В. П. Васильева. Сейчас он находится в университетской библиотеке восточного факультета.

Гомбоев профессионально разбирался в буддийском искусстве. С его именем связано появление в России редких священных изображений. Ученые Г. Н. Потанин и В. В. Лесевич просили Найдана Гомбоева искать для них статуэтки или иконы Авалокитешвары, культ которого они соотносили с солярными божествами славян. Судя по описанию, редкие. «...Гомбоевым из Пекина 1000-рукий Арья-Бало (икона) и им же подаренный Арья-Бало, кажется, на шелковой материи красками и 8-рукая на волках, под ногами пасть огненного дракона». Об Авалокитешваре идет речь в письме Н. Гомбоева Г. Потанину (25.07.1891) [ККМ. Оф.7928/1315–367].

Невозможно не упомянуть о том, что зять Бестужева имел прямое отношение к появлению сандалового Будды¹ в России в начале прошлого века. А. А. Терентьев сравнительно недавно пролил свет на эту таинственную историю. Он обобщил все обнаруженные другими и им самим материалы в книге «Сандаловый Будда раджи Удаяны». Коротко говоря, Н. Гомбоев получил телеграмму от Агвана Доржиева. Речь шла о том, что наступил подходящий момент выкупить за деньги или золото сандаловую статую, находящуюся в китайском храме Сандан-Сы. Консул Гомбоев и два ламы Эгитуйского дацана договорились с атаманом селенгинских казаков Бато Айсуевым, осуществлявшим охрану Российского посольства. Тщательно разработали и блестяще осуществили операцию, привезли эту драгоценную реликвию в Россию, первоначально в Гусиноозерский дацан [Терентьев 2010: 47–48]. На его и князя Ухтомского долю выпала сугубо секретная операция в 1897 г. по доставке средств, обеспечивавших продвижение русских интересов в Китае. То обстоятельство, что Н. И. Гомбоев руководил одним из ключевых узлов того времени – телеграфом не одно десятилетие, свидетельствует о его осведомленности, поскольку через шифровальщиков конторы шли депеши разного уровня секретности. Несколько фрагментов из переписки брата его жены говорят об этом: «Ли Хун Чжан вызвал Шена сюда для объяснения по датскому телеграфному делу» (Тяньцзинь, 25.09.1887). «На днях, при свидании Ли Хун Чжана с г. Ваховичем первый передавал последнему большое и скорейшее желание о постройке китайцами Кяхтинской линии соединения с русской» (Тяньцзинь, 09.03.1892) [Бараев 1988: 32]. Гомбоев держал в руках нити связей с официальной и неофициальной Россией. Он создал в столице Китая телеграфное агентство, связав Забайкальский почтово-телеграфный округ и Китай через агентство «Рейтер». Родство же с Хамбо-ламой способствовало общению начальника телеграфа с монгольскими лидерами в более доверительной форме.

Исследователь-краевед В. Петров полагает, что Найдан Гомбоев в числе десятка местных мальчиков обучался у Николая Александровича и Михаила Алек-

¹ Сандаловый Будда – статуя Будды Шакьямуни, по легенде сделанная прижизненно.

сандровича Бестужевых, так как он сам указывает, что никакого официального образования не получал. На момент появления ссыльнопоселенцев в заштатном Селенгинске будущему Хамбо-ламе было около восьми лет, и он почти три года жил при дацане, а его братишке Найдану было два (или чуть больше) года (1837) [Гончаренко 2017: 43]. Деятельность Н. Гомбоева, скрытая до времени завесой секретности, ждет подготовленного исследователя.

Личность старшего из братьев Гомбоевых – Данзана-Дампила (1831–1894) не может не оставить сильного и глубокого впечатления, хотя о его жизни известно немного, как и о других главах буддистов Забайкалья. Есть упоминание о биографии Гомбоева, но она еще не найдена. Документально подтверждено, что 16 марта 1879 г. после доклада министра внутренних дел Л. С. Макова последовало утверждение Гомбоева Пандито хамбо-ламой. При этом среди российских ученых и в сопредельной Монголии широко известно об образованности Хамбо-ламы; отовсюду к нему приезжали как верующие, так и публика самая разнообразная. «В 1882 году торгоутская княгиня с тремя ламами прибыла для поклонения святому ламе в хамбинский дацан и удостоилась вана Калачакры» [Бурятские летописи 2011: 168].

Хамбо-лама был сторонником просвещения. Он хотел и умел быть источником знаний. Собрания буддийских предметов, подаренные Гомбоевым, не уступали коллекциям западных музеев по тематике и полноте, служили предметом изучения религиоведов. Благодаря ему, небольшой музей Кубанского Александровского училища (1880 г.) мог знакомить с буддизмом учеников и местных жителей. Туда Хамбо-лама послал предметы культа и несколько образцов эвенкийского быта. Дети кубанских казаков в войсковом учебном заведении получили возможность узнать как об образе жизни малых северных народов, так и о мировой религии – буддизме и его обрядовой стороне. По непроверенным сведениям, Данзан-Дампил Гомбоев выезжал в 1889 г. в Китай, откуда отправил четыре ящика предметов для экспонирования на выставке в Иркутске предметов буддийского культа.

В 1886 г. 5 января по просьбе почетного попечителя Читинской женской гимназии и прогимназии Хамбо-лама стал членом комитета «по улучшению средств оной», с вручением соответствующего свидетельства. Он организовал сбор денег на женскую гимназию и ремесленное училище в Чите. Было собрано несколько десятков тысяч рублей, однако солидные финансовые вливания не открыли доступа бурятским детям в эти учебные заведения. В 1892 г. через генерал-губернатора барона А. Н. Корфа Император поблагодарил Хамбо-ламу за пожертвование 1000 рублей на устройство в Чите ремесленного училища [Чимитдоржин 2004: 92].

В 1880 г. «именитый селенгинский бурят» Лумбунов открыл для сородичей частную школу. Вступив в должность, Данзан Гомбоев «сразу поручил ширетуням, чтобы они безотлагательно возбудили прихожан своих дацанов для отдачи детей в русскую школу, потому что из них на будущее время при открытии ва-

кансий необходимо будет поступить в духовное звание, в хуваки, равно свободно могут вступить по выбору в других должностях между инородцев» [ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1442. Л. 70].

Хамбо-лама был известен доброжелательным отношением к людям других вер. Православный миссионер, доставивший ламе годовую подписку «Воскресного досуга» от православного тайши Минеева, писал: «Здесь с историческим описанием было много духовных картин. Рассматривая картину Иерусалима, Хамбо, взглянув на меня, сказал чистым русским языком: «Там родился Иисус Христос»... Затем взял мои четки, вынесенные, как я сказал ему, из Иерусалима, стал перебирать их от первой бусинки до последней с нашептыванием своей молитвы “Ом мани бадме хум” [Отчет... 1883: 167].

Современник писал: «Весьма приятно было встретить в хамбо-ламе... человека с величайшей терпимостью к другим религиям... Кроме совершенного знания монгольской и тибетской литературы г-ну Гомбоеву знаком древний палийский язык. К Евангелию он относится с большим интересом... Я привез в подарок Библию на монгольском языке... Хамбо-лама с удовольствием принял ее, говорил, что у него есть Евангелие на монгольском языке, и он уже знакомился с ним... Книжка Ольденберга “Будда, его жизнь, учение и община” до того заинтересовала хамбо-ламу, что он временно вышел из своего обычного созерцательного покоя и величайшей сдержанности ... С не меньшим интересом отнесся он и к сочинению проф. Позднеева о буддийских монастырях Монголии» [Птицын 1896: 23].

Хамбо-лама был настоящим патриотом России. 14 мая 1888 г. Хамбо-лама Гомбоев стал действительным членом Восточно-Сибирского отделения Российского географического общества (ВСОРГО), имевшего заметное влияние на развитие культуры и науки Забайкалья. Он много делал для преуспевания отдела: в 1888 г. помог деньгами трижды (14 апреля, 26 мая, 31 октября). В 1889 г. – дважды (25 января и 15 марта). В 1888 г. буддийский иерарх счел необходимым выразить радость, что покушение в Японии на жизнь государя не удалось. Он отправил по почте прекрасной работы серебряную статуэтку Шакьямуни, сопроводив дар от имени лам и прихожан письмом на имя министра внутренних дел Толстого. На молитвы, сочиненные Данзаном Гомбоевым, священник Иннокентий Подгорбунский отзывался так: они, дескать, «могут производить приятное впечатление как свидетельство того, что и буряты начинают отзываться на важные события в государственной жизни России; призваны обратить... на всю корпорацию лам внимание, как патриотов ввиду некоторых целей» [Подгорбунский 1891: 23]. Гомбоев интенсивно занимался русским языком и выдержал экзамен, хамбо-ламе полагалось владеть государственным языком. Молитва о здравии августейшего семейства, составленная им на тибетском и монгольском, изложена хорошим русским языком. Православное духовенство расценило действия Хамбо-ламы как ловкий дипломатический прием. Гомбоев хотя и был политиком, но оставался человеком нелицемерным. Уважение к верховной власти, умение бес-

конфликтно достигать целей относилось к числу «искусных методов», в которых наставлял еще первого бурятского Хамбо-ламу Заяева его учитель Панчен-лама. Однако за сочинение русскоязычных молитв и вообще за тактику хороших отношений с российской администрацией Гомбоева секли со всех сторон. Современник писал, будто тибетские ламы пеняют Гомбоеву, что он отпал от Тибета, став русским чиновником. Они возбуждали против него, и не без успеха, бурят и даже лам, особенно в дальних дацанах.

Данзан Гомбоев занимался благотворительностью, пробуждая интерес к буддийскому учению через красоту его искусства. В 1881 г. (23 апреля) в канцелярию хамбо-ламы поступила бумага № 495 с изъявлением искренней благодарности от Совета Санкт-Петербургского университета за передачу четырех буддийских иконописных свитков. В тот же день ему вручили Похвальный лист № 447 (по ходатайству факультета восточных языков) за дарение сочинений для университетской библиотеки. В ноябре пришло благодарственное письмо № 7197 от Совета университета за присылку комментария к Субхашите. Наиболее известные из произведений этого назидательного жанра – «Капля, питающая людей» и «Сокровищница благих речений».

Известно, что Хамбо-лама подарил библиотеке Иркутской духовной семинарии биографию Цзонхавы и его сочинения, за что 25 августа 1889 г. правление семинарии письменно выразило ему признательность. Н. Кирилов, опубликовавший свою работу в 1896 г., пишет: «Данзан Гомбоев принес в дар ВСОРГО весьма ценную коллекцию ламайского искусства, чему в 1888 г. явилась возможность устроить в Иркутске единственную в своем роде буддийскую выставку» [Кирилов 1896: 133]. Д. П. Першин, описывая выставку, отметил макет Гусино-озерского дацана. На средства Д. Гомбоева, изданы «Сказания бурят, записанные разными собирателями» [Румянцев 1972: 9]. Д. Гомбоев в январе 1890 г. подарил 180 руб. на издание работы М. Хангалова «Шаманство»; в начале 1891 г. – неизвестную сумму для перевода Подгорбунским «Мани-Гумбума». Он жертвовал в пользу ВСОРГО и музея деньги и разной полноты коллекции. Распорядительный комитет Иркутского отделения РГО и покровитель его Иркутский генерал-губернатор граф Игнатъев выражали Хамбо-ламе искреннюю благодарность. 20 октября 1892 г. Д. Гомбоев, как известный благотворитель, был почтен действительным членством в Обществе попечения и начального образования Нерчинска; в начале года он помог деньгами читинскому ремесленному училищу. К открытию Читинского дацана 7 ноября 1894 г. была опубликована программа докладов «О дацанах Забайкалья». В этой программе под № 19 указан доклад на тему «Биографии некоторых лам-бурят», в их число вошел и Дампил Гомбоевич Гомбоев [Чимитдоржин 2004: 175].

За активную благотворительную деятельность, в частности за финансовую поддержку издания научных и этнографических материалов, 16 мая 1890 г. (Указ № 2339) Хамбо-лама Гомбоев стал кавалером ордена Святого Станислава 3-й

степени [Чимитдоржин 2004: 92] по ходатайству Г. Н. Потанина и далее П. П. Семенова (Тянь-Шаньского).

Нравственные качества Гомбоева «снискали... самые лестные отзывы решительно всех посетивших его путешественников – русских и иностранцев...и даже приобрели ему уважение величайшего борца против буддизма... архиепископа иркутского Вениамина» [Птицын 1896: 35–36]. Во всем Забайкалье и за пределами его Хамбо-лама Гомбоев славится своим широким гостеприимством... Сам он ведет суровую и самую простую иноческую жизнь. Мне случалось заставить его, когда он не ждал гостей, в простом нагольном бурятском тулупе, за чтением священных книг или беседующим с ламами и мирянами-бурятами. Любовь и преданность бурят к своему хамбо-ламе... беспредельна» [Там же: 9–10]. Он был носителем духа и буквы Учения, который для забайкальского бурята являлся, по образному выражению Э. Жамцарано, «убежищем для национального духа и одним из проявлений национальной общности» [Ширапов 1992: 70].

Рискнув провести параллель между братьями Бестужевыми и братьями Гомбоевыми, следует отметить ряд качеств, свойственных этим выдающимся сыновьям своего времени. Этих истинных патриотов отличала твердая гражданская позиция, высокая образованность, необыкновенная широта взглядов, тонкий вкус и умение ценить все прекрасное без изыятия. Им выпал удел, полный событий, требующих предельного напряжения духа. Самоотверженность и человечность их могла и продолжает служить высоким нравственным образцом. Они были меценатами, просветителями – истинными маяками для людей, вне зависимости от статуса и национальности. Поэтому не станет преувеличением назвать деятельность ярких, самобытных представителей Востока и Запада в их взаимодействии культурным феноменом, в полной мере заслуживающим углубленного изучения как научным сообществом, так и просто любознательными, мыслящими людьми.

Источники и литература

ГАРБ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–90.

ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1442. Л. 70.

Красноярский краеведческий музей (ККМ). Оф. 7928/1315-367.

РО РНБ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 769. Л. 10об., 11.

Андреев А. И. Незвестная страница из истории большой игры. Дело о посылке русского агента в Тибет (1896–1873) / А. И. Андреев // Ариаварта. – 1999. – № 3. – С. 120–133.

Бараев В. В. Хорошо, что у русских есть Владивосток / В. В. Бараев // Северные просторы. – 1988. – № 6. – С. 30–32.

Бараев В. В. Древо: декабристы и семейство Кандинских / В. В. Бараев. – М.: Изд-во полит. литературы, 1990. – 272 с.

Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев / М. Ю. Барановская. – М.: Гос. культпросвет. изд-во, 1954. – 298 с.

Бурятские летописи. – Улан-Удэ: ОАО «Респ. типография», 2011. – 223 с.

Верещагин А. В. В Китае. Воспоминания, рассказы. 1901–1903 / А. В. Верещагин. – СПб.: Изд-во В. А. Березовского, 1903. – 227 с.

Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и комм. М. К. Азадовского; под общ. ред. комиссии АН СССР по изданию научно-популярной литературы и серии «Итоги и проблемы современной науки». – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 903 с.

Гапоненко В. В. К вопросу об имени матери детей декабриста Н. А. Бестужева / В. В. Гапоненко // Бестужевские чтения: тез. докл. XI науч.-практ. конф. к 200-летию Н. А. Бестужева. – Улан-Удэ; Новоселенгинск, 1991. – С. 32–36.

Гончаренко Р. В. История семьи Гомбоевых / Р. В. Гончаренко // Декабристские чтения: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. – Петровск-Забайкальский, 2017. – 197 с.

Бестужев М. Гусиное озеро / М. Бестужев // Вестник естественных наук, издаваемый императорским Московским обществом испытателей природы. – 1854. – № 4. – 23 янв. – С. 51–96.

Даревская Е. М. Декабристы в Забайкалье и соседние страны / Е. М. Даревская // Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания. – Иркутск: Иркут. госуниверситет им. Жданова, 1975. – 198 с.

Дашицен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX века / В. Г. Дашицен. – М.: Директ-медиа, 2014. – 593 с.

Демин Э. В. Голгофа правнука Бестужева / Э. В. Демин // Байкал. – 1993. – № 6.

Естественно-научное наследие декабристов / сост. О. А. Александровская. – М.: Наука, 1995. – 464 с.

Забайкальская духовная миссия. 1862–1863 гг. Письма из Посольского монастыря епископа Вениамина // Тр. правосл. миссий Восточной Сибири. Т. 1: 1862–1867. – 1883. – С. 30–31.

Залкинд Л. С. Из жизни декабристов братьев Бестужевых в г. Селенгинске Забайкальской области / Л. С. Залкинд // Тайные общества в России в начале XIX столетия. – М.: Всесоюзное об-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1926. – С. 172–175.

Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев / И. С. Зильберштейн. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – 680 с.

Кирилов Н. В. Дацаны в Забайкалье / Н. В. Кирилов // Зап. Приамур. отд. ИРГО. Т. 1. – 1896. – Вып. 4. – С. 115–140.

Коваленко Ф. Я. В поисках забытых имен / Ф. Я. Коваленко. – Улан-Удэ, 2012.

Корсаков В. В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май – август 1900 / В. В. Корсаков. – Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1901. – 349 с.

Леонов Г. А. Э. Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа / Г. А. Леонов // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. – Новосибирск, 1985. – 125 с.

Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи: путешествие в Центральную Азию и Китай. Мои путешествия по Сибири / В. А. Обручев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1940. – 236 с.

Отчет о миссионерских действиях в 1864 году забайкальского миссионера иеромонаха Вениамина // Тр. правосл. миссий Восточной Сибири. Т. 1. 1862–1867 гг. – Иркутск, 1883. – С. 167.

Письма из Сибири. Декабристы М. и Н. Бестужевы. Издание Иркутской секции научных работников. Вып. 1. – Иркутск, 1929.

Подгорбунский И. Заметки о молитвах за царя, сочиненные хамбо-ламою Гомбоевым / И. Подгорбунский // Прибавления к Иркутским епарх. ведом. – Иркутск. – 1891. – № 24. – 15 июня. – С. 1–3.

Потанин Г. Н. Письма. Т. 4 / Г. Н. Потанин – Иркутск, 1990. – С. 127, 148, 152, 156, 180–181, 187, 220.

Птицын В. В. Селенгинская Даурия / В. В. Птицын. – СПб., 1896. – 307 с.

Румянцев Г. Н. Описание архива Г.-Д. Нацова / Г. Н. Румянцев. – Улан-Удэ, 1972. – 91 с.

Степовая Л. И. Декабристы. Родственное окружение декабристов [Электронный ресурс] / Л. И. Степовая. – Режим доступа: <http://d1825.ru/viewtopic.php?id=1741> (дата обращения: 25.03.2020).

Терентьев А. А. Сандаловый Будда раджи Удаяны / А. А. Терентьев. – СПб.: Нартанг, 2010. – 110 с.

Тиваненко А. В. История Английской духовной миссии в Забайкалье (начало XIX столетия) / А. В. Тиваненко // Христиан. пресвитериан. церковь г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 2009. – 251 с.

Успенский В. Буддийский канон / В. Успенский // Книга Монголии. Альманах библиофила. Вып. 24. – М.: Книга, 1988. – 380 с.

Харитонов В. Русско-монгольская школа / В. Харитонов // Новая Бурятия. – 2020. – 23 дек. [Электронный ресурс] / В. Харитонов. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20101223154942/http://newbur.ru/columns/documents/1921> (дата обращения: 25.03.2020).

Чимитдоржин Г. Г. Институт Пандито Хамбо Лам. 1764–2004 гг. / Г. Г. Чимитдоржин. – Улан-Удэ: Буддийский институт «Даши Чойнхорлин», 2004. – 189 с.

Цуприк Р. И. Книга в жизни декабристов / Р. И. Цуприк // Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания. – Иркутск: Иркут. госуниверситет им. Жданова, 1975. – 198 с.

Ширапов Ю. С. Роль буддийского фактора в мировоззрении бурятской интеллигенции / Ю. С. Ширапов // Из истории философской и общественно-политической мысли стран Центральной и Восточной Азии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 6–94.

Янчевецкий Д. Г. В русской миссии / Д. Г. Янчевецкий // У стен недвижимого Китая. Дневник корреспондента «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900 году Дмитрия Янчевецкого. – СПб.; Порт-Артур: Изд. П. А. Артемьева, 1903. – 618 с.